

Эдвард Радзинский:

Последняя ночь последнего
царя

(и: Кровь и Призраки русской
спуты)

Действующие лица:

Николай Александрович Романов (Ники) — последний русский царь. Родился в 1868 году. В 1894-м взшел на престол. В 1917 году после Февральской революции отрекся от престола, вместе с семьей был арестован и отправлен в Тобольск. После Октябрьского переворота и прихода большевиков к власти перевезен с семьей на Урал в город Екатеринбург, где в 1918 году расстрелян вместе с женой, сыном и четырьмя дочерьми.

Александра Федоровна Романова (Аликс) — последняя русская царица. Родилась в 1872 году. Гессен-Дармштадтская принцесса, внучка английской королевы Виктории. В 1894 году вышла замуж за Николая Романова. В 1918 году расстреляна вместе с семьей.

Ее старшая сестра Элла была замужем за дядей Николая — Великим князем Сергеем Александровичем Романовым (убит бомбой террориста в 1905 году). Элла убита в уральском городе Алапаевске в 1918 году.

Боткин Евгений Сергеевич — доктор. Добровольно разделил ссылку и заточение с царской семьей, вместе с ней расстрелян.

Все письма и документы, цитируемые в пьесе, — подлинные.

Лукоянов Федор Николаевич — председатель Уральской ЧК. Родился в 1894 году. Недоучившийся студент Московского университета, профессиональный революционер, большевик (партийная кличка «товарищ Маратов»).

В 1918 году, вскоре после расстрела царской семьи, в связи с тяжелым нервным заболеванием оставил навсегда работу в ЧК.

Юровский Яков Михайлович — комендант Ипатьевского дома. Родился в 1878 году. Из бедной многодетной еврейской семьи, профессиональный революционер, большевик. В 1912 году арестован царской полицией и выслан в Екатеринбург, где работал фотографом. После Октябрьского переворота — один из руководителей ЧК в Екатеринбурге.

В июле 1918 года назначен комендантом «Ипатьевского дома» (так по имени прежнего владельца — инженера Ипатьева называли дом, где содержалась под арестом и была расстреляна царская семья).

В 1920 году Юровский написал секретный отчет о расстреле Романовых. Умер в 1938 году в Кремлевской больнице.

Часть первая

ДВОЕ

Жаркий июль 1938 года.

Кремлевская больница, ночь, палата.

В большой пустой палате на кровати спит больной — Яков Юровский.

Дверь открывается — и в темноте возникает силуэт вошедшего мужчины. Он проходит в глубь палаты и некоторое время сидит один в темноте.

Будто почувствовав его присутствие, просыпается Юровский. Приподнимается на постели — всматри-

вается в темноту. Никого не увидев, вновь откидывается на постели и вслух, как в ночном бреду, лихорадочно повторяет:

«Дорогие Женя и Шура!.. Дорогие Женя и Шура! 3 июля по новому стилю мне минет шестьдесят лет. Так сложилось, что я вам почти ничего не рассказывал о себе, о моем детстве, о молодости». *(Кричит.)* Мне больно! Сестра! Сестра! «Дорогие мои мальчишки! Наша семья страдала меньше от постоянного голода, чем от религиозного фанатизма отца. И мой первый протест был против религиозных и сионистских традиций. Я возненавидел Бога и молитвы... *(Кричит.)* Я возненавидел Бога и молитвы, как свою нищету и своих хозяев... Ваша сестра Римма может вспомнить отдельные эпизоды революции, царскую тюрьму». *(Кричит.)* Мне больно! Сестра!

Смешок м у ж ч и н ы. И его голос из темноты:

— Не следует так кричать. Уже поздно — и сестра спит.

Юровский. Как спит, как она может спать? Мне нужен укол.

М у ж ч и н а. Вам непременно сделают укол. Но позже. Под утро.

Молчание.

Юровский. Кто вы?

М у ж ч и н а. Готовитесь к смерти? Последнее письмо детям сочиняете?

Юровский. Мне больно. Кто вы?

М у ж ч и н а. Но вообще-то у вас обычная язва... Вы здоровы как бык.

Юровский. Я умираю.

М у ж ч и н а. Действительно, вы очень скоро умрете, хотя здоровы как бык.

Юровский. Кто вы? (Молчание.) Вы врач?

Мужчина. Мы считали себя врачами. Мы ведь пришли вылечить эту планету.

Юровский. Откройте свет!

Мужчина. Мы не любили свет при допросах. Темнота способствует страху, а страх — нужной беседе. (Зажигает тусклый ночник.)

Юровский. Какие допросы? Почему допросы?

Молчание.

Я буду кричать.

Мужчина. Не будешь. Лихорадочно думаешь: «Почему нет сестры? Значит, удалили? Значит, действительно за мной пришли? Пинок под зад?»

Юровский. Что? Что?

Мужчина. Надеюсь, ты не забыл наше образное выражение; товарищ. Когда мы ставили человека к стенке и спускали курок — надо было успеть дать ему легонечко под зад, чтобы не забрызгал кровью гимнастерку. Сколько твоих знакомцев, вчерашних вождей партии, уже получили свой пинок под зад... Всю ночь по Москве ездят машины... Вчера арестовали Сашу Белобородова. Белобородов — твой друг, вождь Красного Урала, хозяин царской семьи. Из этой же Кремлевской больницы прямо из постели в кальсонах взяли... (Засмеялся.) Да, в нашей Кремлевской больнице после каждой ночи все просторнее становится... В пустых палатах лежите, кремлевские владыки... Идет большая чистка партии... идет охота на всех, кто сделал нашу революцию... нашу горькую революцию. И ты, конечно, тоже ждешь? Особенно после того, как дочь взяли...

Юровский. Кто ты?

Мужчина. Как ты пишешь в своем письме? «Моя дочь Римма может вспомнить отдельные эпизоды революции... царскую тюрьму».

Смех в темноте.

Только упомянуть испугался — где может вспомнить твоя дочь Римма царскую тюрьму? В тюрьме советской. Перед которой твоя царская тюрьма — просто санаторий. Римма — вождь комсомола, любимица молодежи, красавица. Помнишь, как она звонила тебе в тот день?

Юровский. В какой день?

Мужчина. Как она волновалось тогда: а вдруг отменят убийство девочек — ее ровесниц? Или больного мальчика...

Юровский. Кто ты?

Мужчина. А в лагере с ней «поозорничают». Кстати, это твое слово... Ты как-то, смеясь, рассказал про свою выдумку: в 1918 году в тюрьме, куда ты свез дочерей городской буржуазии...

Юровский. Больно. Укол! Укол, товарищ!

Мужчина. Правильно, наконец-то сообразил, что я — товарищ... Кстати, тоже больной товарищ. В июле всегда в больницу попадаю. Нервы шалют в июле... Ты, конечно, понял — отчего в июле?

Юровский. Был там?

Мужчина. Да, я тоже был там. Видишь, как узнать помогаю.

Юровский. Много там было.

Мужчина. Но мало осталось. На дворе 1938 год, и вряд ли кто из нас увидит 39-й год. Обо всех позаботится великий, мудрый товарищ Сталин.

Юровский. Ты провокатор!

Мужчина. Нет, я сумасшедший. Товарищи твой пинок под зад от него получили, а ты его Учителем звать обязан. Твою дочь в лагере насиловать будут, а ты его Отцом звать должен... Нет, нет, я без иронии — так оно и есть: он наш Отец. В крови рожали мы Новый мир... Кровавый нам дан и Отец. Мы просто не поняли этого тогда — в том июле, в том доме.

Юровский. Больно.

Мужчина. Ты помнишь: приземистый дом

каменным боком спускается вниз по косогору... И здесь окна полуподвальные с трудом выглядывают из-под земли. И одно окно посередине с решеткой — окно *той* комнаты. Через пару лет после их расстрела... тоже в июле... я опять туда приехал. В дом... В июле мука у меня начинается, и я туда еду. Был душный вечер. Подошел я к дому... там тогда музей Революции устроили. В доме, где одиннадцать человек убили... Ох, какая это мудрость устроить в доме крови музей Революции — горькой нашей Революции... Был вечер... Музей уже, конечно, был закрыт... Я через забор перемахнул и пошел по саду... Блестела стеклами терраса... Помнишь?

Юровский. Там пулемет стоял.

Мужчина. Да, да. Сады благоухали, как тогда... «Аромат садов» — так он записал в своем дневнике. Из сада я и вошел... в ту комнату. Ты помнишь ту комнату?

Юровский (*усмехнулся*). Я все помню, товарищ Маратов.

Мужчина. Ну вот — узнал.

Юровский. Я тебя сразу узнал.

Маратов. Окно в доме разбил — и через маленькую прихожую вошел. Она была чистая и совсем пустая, как тогда — двадцать лет назад, когда мы с тобой в ней стояли. Только теперь там было два стула — посередине.

Юровский. Это уже после твоего ухода. Я для мальчика и для нее поставил.

Маратов. И только россыпи пулевых отверстий на стенах. На всех стенах.

Юровский. Метались... по комнате.

Маратов. И в коричневом полу выбоины...

Юровский. Докалывали их.

Маратов. И у самого пола на обоях разводы и пятна...

Юровский. От замытой крови.

Маратов. А все остальное как тогда — двадцать лет назад. Как тогда, там была такая тишина и странный покой... Правда, тогда эту тишину подчеркивал стук его шагов... Он все ходил там наверху в комнатах.

Юровский. Точно, у него была привычка мерить комнату гвардейским шагом. Часами ходил и о чем-то думал.

Маратов. Вот в той комнате я их и увидел. Первый раз.

Юровский. Кого?

Маратов. Старую парочку. Пришли и сели на эти стулья. Нет, нет, я, конечно, понимал, что это все кажется, но сидят, сидят...

Юровский. Ты действительно сумасшедший.

Маратов. Ты помнишь его: от вынужденной неподвижности он чуть располнел... обычного среднего роста.

Юровский. Точно. Но когда мы его раздели у шахты... Я поразился его мускулам... мощный торс, а в одежде уж совсем не казался атлетом.

Маратов. Сидят там... в глубине у самой стены.

Юровский. Укол! Укол! Больно! Сестра!

Маратов. Совет: терпи... Я забыл сказать главное: когда сестра придет — укол будет последним.

Юровский. Ты что?!

Маратов. Ты понял... Впрочем, все это уже происходило много лет назад. Французский революционер Верньо, казненный собственной Революцией, погибая под ножом гильотины, прокричал этот закон всех революций: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей! Берегитесь, боги жаждут!» Ты — темный, полуграмотный, ты этого не знал. Но мы знали. И почему-то верили: нас это не коснется. И только сейчас поняли: те, кого мы с тобой убили тогда в июле, обозначали начало. Начало Эры Кро-

ви... Россия, кровью умытая. (Смешок.) И сегодня в этой эре и твою дату проставили...

Юровский й. Когда?

Маратов. Молодец, не сомневаешься. Умрешь под утро. С великой милостью к тебе отнеслись. Ты персонаж исторический: цареубийца. Слишком мало вас осталось, исторических персонажей нашей Революции — нашей горькой Революции. Решено не объявлять тебя врагом народа. В некрологе напишут: умер от сердечного приступа.

Молчание.

Как обычно, в шесть утра придет сестра, и получишь последний укол. Вместо пинка под зад — укол в зад. Конец героя.

Юровский й. Откуда знаешь?..

Маратов. Сестра с чекистом балуется... ну, дело молодое. Я к ней в комнату за снотворным пошел, а они на кушетке лежат и эту новость обсуждают. Они при мне не церемонятся. Я ж ненормальный. Пока баловались — таблетки от боли у нее и спер. Для тебя.

Молчание.

Я все наперед просчитал: как услышал, что тебя в Кремлевскую больницу положили, сразу понял: живым не выпустят. И тотчас решил сюда тоже улечься. Я редко пользуюсь прежними привилегиями — чтоб внимание не привлекать... сейчас опасно высываться. На дне отлеживаюсь. А тут думаю, нет, надо спешить к нему с *последним* разговором.

Юровский й. Хорошую вещь ты мне принес, товарищ. Я так устал от этой боли.

Маратов. И еще больше от ожидания, когда тебя заберут. От своего страха... И от страха за нее — за дочь.

Юровский й (хрипло). С каким разговором ты пришел, товарищ?

Маратов. Я давно хотел прийти — боялся.

Юровский й. Чего?

Маратов. Что разговора не получится — попросту выдашь ты меня... А теперь, перед твоей смертью, — получится... Перед смертью всегда разговор получается, к тому же таблеточки...

Юровский й. Что таблеточки?

Маратов. От боли. Неужто практику нашу забыл? Разговор состоит из вопросов и ответов. Нет ответа...

Юровский й (усмехнулся). И таблеточки нет...

Маратов молча дает таблетку.

Юровский й. О чем же отвечать, товарищ?

Маратов. Сбил меня... Мне трудно держать мысль. Они все время говорят, говорят, говорят. И звонки — все время твои звонки, звонки. И та комната. Помоги мне уйти из *той* комнаты...

Темнота, потом щелчок выключателя — загорелась голая лампочка под потолком, осветила комнату в полуподвале. Крохотное оконце закрыто деревянной решеткой.

В оконце видны ноги часового.

В комнате — они же, только двадцать лет назад: сорокалетний черноволосый Юровский й и молоденький худенький двадцатитрехлетний Федор Лукоянов — «товарищ Маратов». Оба в черных кожаных куртках. Карманы оттопырены револьверами.

Далекая канонада.

Юровский й. Как слышно... Думаю, на той неделе сдадим город.

Маратов. Может, и пораньше.

Шаги по потолку.

Ю р о в с к и й. Слышишь?.. Вот так все время ходит, ходит.

М а р а т о в. Лампочка очень ярко светит.

Ю р о в с к и й. Почистили — тусклая была лампочка.

М а р а т о в. Но теперь из переулка...

Ю р о в с к и й. Нет, из переулка света не видно, я проверил. Забор высокий — хорошо закрывает... Из монастыря принесли яйца, молоко для мальчика: Все хорошо уложено — в корзинах... *(Усмехнулся.)* Ну, утром еда уже не понадобится ему. Так что можно будет эти корзины взять с собой... когда повезем их... Мороки много будет — ребята проголодаются.

М а р а т о в. Охрана?

Ю р о в с к и й. Я их предупредил. Особо не распространялся. Сказал: «Если услышите ночью выстрелы в подвале, не волнуйтесь — так надо». Но они, конечно, поняли: видишь *(показывает в окно — на сапоги часового)*, взад-вперед... взад-вперед... Это часовой Дерябин... примеряется, как бы ему половчее встать, чтоб все увидеть...

М а р а т о в. Зритель.

Ю р о в с к и й. Утром я с их доктором хитро поговорил: «Город обстреливают, то да се. В целях безопасности придется вам иногда отсиживаться в подвале». Так что они не удивятся, когда мы их сюда пригласим. Сверим часы.

М а р а т о в. Сейчас одиннадцать.

Ю р о в с к и й. Белобородов обещал, что грузовик за трупами придет к полуночи. И сразу начнем. Все дело, думаю, займет полчаса. Плюс уборка трупов. Выносить будем в простынях, чтобы коридор кровью не заляпать... Здесь замоем водой с опилками — скрести будем, пока следов не останется. Все продумано.

М а р а т о в. Комната уж очень маленькая. Двенадцать исполнителей и их тоже — двенадцать. Когда

начнется, они ведь забегают по комнате. Не перестреляем ли друг друга?

Ю р о в с к и й. И это продумано. Ну во-первых, их будет уже одиннадцать. Мальчика-поваренка я у них после ужина забрал. Велел сказать: дескать, дядя его объявился — свидание попросил с племянником.

М а р а т о в. Это хорошо. И так команда ворчит — девушек расстреливать!

Шаги.

Ю р о в с к и й. Все ходит. Небось, радуется: дескать, скоро они уйдут из города. Уйти-то уйдем... да так на прощание хлопнем дверью, что мир содрогнется. Ну а насчет самой ликвидации я тоже все придумал. Позавчера они попросили отслужить обедницу. Ну думаю, пусть отслужат в последний раз... Сын нищего еврея разрешил русскому царю последнюю церковную службу — вот она, Великая Революция! Привел к ним священника — а они уже приготовились к службе. Выстроились: царь посередине стоит, Алексей сидит на стуле, и Александра рядом в кресле-каталке... остальные все в ряд — за ними. И я подумал: как удобно вы встали! Вот так же сегодня их выстрою вдоль вот этой стены.

М а р а т о в. Как это *выстроишь*?

Ю р о в с к и й. Революционная хитрость, сынок, через часок все сам увидишь. В центре поставлю царя, справа от него Алексея, царица будет — вот здесь, у этой арки... И когда команда в дверь войдет, Романовы окажутся лицом перед нами. Как мишени у стены. Стена эта *(стучит по стене)*, как видишь, не капитальная, это фанерная перегородка — за ней кладовая. Значит, когда начнем, никаких рикошетов не будет: пули пройдут или сквозь стену *(усмехнулся)*, или в *них* застрянут.

М а р а т о в. Действительно, ты все продумал.

Юровский. Одна вещь меня смущает: после обедни священник рассказал... Оказывается, по ходу службы, как только произнесли «со святыми упокой», все Романовы вдруг на колени встали. И в глазах Николая... священник сказал... были слезы.

Маратов. Думаешь — чувствуют?

Юровский. И сегодня, когда забрали поваренка, она три раза доктора Боткина посылала узнать, когда мы поваренка вернем. Нервничает. Явно. А после ужина зачем-то в кладовую ходила и большой портфель из чемодана забрала. Я, конечно, поднялся к ним — послушал под дверь, о чем там они говорят. Но они...

Маратов *(усмехнулся)*. По-английски.

Юровский. Да, по-английски...

Маратов. Хорошо, схожу послушаю...

Юровский. Сходи, сынок. По-иностранному ты у нас один понимаешь. Ты ведь из образованных.

В комнате наверху: Николай и Александра.

Александра. Жутко глядеть на эту решетку.

Николай *(расхаживая)*. Да... да...

Александра. Хорошо, что стемнело — она не так видна.

Николай. Да... да...

Александра. Что-то ужасное в этом было, когда пришел хмурый мужик и, ни слова не говоря, стал прибавать эту решетку. Этот вечный их страх, что мы убежим...

Далекая канонада.

Стреляют.

Николай. Артиллерия...

Александра. Сегодня всю ночь этот звук. А под утро где-то совсем близко слышала два револьверных выстрела.

Николай. Да... да... *(Расхаживает.)*

Александра. Доктор сказал, что вчера в подвале они прибили такую же решетку. Почему? В подвале? Странно.

Николай. Ты совсем не спишь.

Александра. Нервная, сумасшедшая... не могу заснуть — вслушиваюсь в ночь и все думаю... думаю...

Девичий смех за стеной.

Никак сегодня не угомонятся — они разбудят Маленького.

Она идет в глубь комнаты; поправляет постель спящего Алексея.

Николай. Доктор передал разговор с комендантом: ситуация на фронте стала критической.

Александра. Как он вырос... только такой бледный... Какая прекрасная была служба... Он плакал, ты не заметил?

Николай. Да... да...

Александра. Я хотела его спросить почему. Но потом раздумала... И ты тоже плакал.

Николай. От счастья... Он — с нами. *(Расхаживает.)* Комендант сказал доктору: возможно, иногда нам придется проводить время в подвале.

Александра. В подвале?!

Николай. Для нашей же безопасности — город обстреливают. И к тому же они боятся нападения анархистов. Возможно, поэтому прибили решетку в подвале. Все просто.

Александра. Большой мальчик... как летит время...

Смех за стеной в соседней комнате.

(Громко.) Спать, девочки, спать! Все разговоры на завтра!

Гул артиллерии.

Слышишь? Это уже будто в городе... И девочки — совсем взрослые... Все быстро. Как сон... Анастасия прелесть, но толстушка.

Николай. Впрочем, как раньше Мария.

Александра. Но ноги у нее коротковаты, хотя, надеюсь, вырастут. Ольга, наоборот, уж очень стала худая... Татьяна тоже. Но Татьяна чудо как хороша... И Маленький поправляется. Нет, нет, слава Богу... все как-то образуется.

Николай. И еще: комендант сказал доктору, что очень скоро они переведут нас в Москву.

Александра. Как мне не нравятся их заботы! Ты помнишь — не так давно они уже хотели перевести нас в Москву. И тогда тоже они говорили об анархистах. Когда же это было? Почему-то сегодня целый день что-то вспоминаю...

Николай. Я могу сказать точно. Это было 31 мая... У меня записано.

Александра. Записано?!

Николай. В дневнике.

Александра. Зачем?! Я просила, Ваше Величество, ничего серьезного в дневник не записывать.

Он молча пожал плечами.

Когда вы уходите на прогулку, эти ужасные люди способны читать ваш дневник.

Николай. Не стоит менять полезную привычку все записывать в дневник. Следует быть похожим на самого себя. К тому же эти записи понадобятся нашим внукам... и всем, кто придет после нас.

Александра. Я давно не записываю в дневник

ничего серьезного. Потом, когда весь этот ужас минет, мы все подробно запишем.

Николай. Я не помню: мы пили сегодня чай?

Александра. Боже мой, ну конечно! Как раз пришли они и забрали бедного поваренка.

Николай. Да, да, конечно, я пил чай.

Александра. Как мне это все не нравится.

Николай. Почему? Они объяснили: его дядя...

Александра. Я не верю ни единому их слову. Ваше Величество, вы пытаетесь жить в прежнем мире, где людям следовало доверять. Но этот мир исчез. И оттого что в дневнике вы придерживаетесь старого исчисления дней, он не вернется вновь.

Николай. Эти странные люди в дни хаоса решили ввести новый календарь. Хаоса будет еще больше, но это их дело. Мой отец, моя империя жили по старому календарю. И я доживу свой век по нему.

Александра. Итак, что вы записали тогда, Ваше Величество, по старому календарю?

Николай *(обстоятельно ищет)*. Так, это было 31 мая. *(Находит.)* «31 мая... 31 мая сего года по старому календарю. Пришел комендант... По его словам, опасаются выступления анархистов, и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно, в Москву. Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться».

Александра. И дальше, Ники.

Николай. «После ужина комендант объявил, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен».

Александра. Согласись: все-таки это было очень странно! Вдруг эти жестокие люди встревожились о нашей безопасности. И даже решили выпустить нас в Москву.

Николай. Среди них есть разные люди. Воз-

можно, испугались за детей... Они должны заботиться... мы им поручены.

Александра. Мой добрый мальчик, они не знают слово «заботиться», это — другие люди... Раскальвается голова — и нельзя открыть окно. Мерзавцы! Скорее бы ночь — такая духота!

Николай. Комендант объяснил, что специальная комиссия изучит необходимость открытия окна. Не нарушит ли это тюремный режим.

Александра. Но на днях уже была какая-то комиссия.

Николай. Это будет новая. И тоже будет изучать. Этой странной власти надобно тысячу комиссий, чтобы просто открыть окно.

Александра. Раньше мы сражались с императором Вильгельмом, теперь — с комендантом за право открыть окно.

Николай. Раньше мы не знали, что право открыть окно — это тоже счастье. Как много счастья в жизни... И ночью аромат цветущих садов долетает в форточку...

Александра. Мне не понравилась эта комиссия... и физиономия этого страшного мужика через решетку... и то, что забрали поваренка... и то, что комендант утром переписал наши драгоценности. Как хорошо, что я успела спрятать... *(Замолчала.)*

Николай. Что спрятать?

Александра. Вот этого, Ники, я не скажу. Потому что Ваше Величество тотчас все аккуратно запишет в дневник по старому календарю. Прости, я нервна. Душно — они пытаются нас этой жарой.

Николай. Скоро ночь и прохлада.

Александра *(берет его брюки)*. Брюки Вашего Величества страшно заштопаны, и более их штопать невозможно.

Николай. К сожалению, других брюк...

Александра. Да, других брюк у Вашего Вели-

чества нет. Впрочем, и у их Высочеств все рубашки в дырах и тоже невозможны для починки. Хорошо, бабушка, королева Виктория, научила меня шить и вязать. Она всегда говорила: «Неизвестно — всегда ли ты будешь императрицей, но вязать ты сможешь всегда». И, как видите, все своим людям сама делаю. Заканчиваю Маленькому носки на зиму...

Николай. Зимой вы будете свободны.

Александра. Я думаю, что носки и на свободе пригодятся. Кстати, вам, Ваше Величество, я тоже вяжу носки.

Николай. На зиму?

Александра. Как странно ты улыбнулся. Что означает эта улыбка, Ники?

Николай. Я просто люблю, когда ты шьешь. В этом — что-то мирное... доброе... истинно семейное.

Александра. Поклянись мне, Ники, что ты не запишешь в дневник. *(Шепчет.)* Я зашила девочкам в корсеты бриллианты. И Маленькому — в одежду. Причем очень умело это сделала — спасибо бабушке! Кстати, Ваше Величество заметили, как великолепно я стелю постель? Это — искусство: надо по-особому взбивать подушки. Русские женщины не умеют этого делать. И этому тоже научила бабушка. Ты должен ценить, Ники: сегодня тебя ждет кровать в стиле королевы Виктории. Помню, в первую ночь после ареста Анастасия пришла ко мне спать — они боялись оставлять меня одну. И я учила ее взбивать подушки, когда мы слышали шаги под дверью. Это были шаги часового. Впервые в жизни меня сторожили. Такая была луна...

Николай. Не стоит об этом.

Александра. Ты прав. Какой он бледный... Утром добрый доктор повезет его на прогулку в моем кресле. Но я хочу, чтобы завтра он попытался ходить сам... Где-то был карандаш, я запишу в дневник.

Николай (*расхаживая по комнате*). Карандаш в моем дневнике.

Александра (*берет его дневник*). Здесь что-то вложено... Боже мой, Ники! Но это... (*Замолчала в ужасе.*)

Николай (*спокойно*). Да, это — письма.

Александра. Это *те* письма!

Николай (*так же ровно*). Это *те* письма! И черновик моего ответа. Я решил сохранить на память...

Александра. Ники!

Николай. Они пишут на таком смешном французском... Это очень забавно. И текст мне понравился, он совершенно в стиле романов месье Дюма. Мне было жаль это уничтожить. (*Читает.*) «Мы назначили ваше похищение на завтра»... Похищение! «В случае если маленький цесаревич не сможет идти, дело сильно осложнится... Нельзя ли было бы на час или на два усыпить его каким-нибудь наркотиком? Пусть решит это доктор...»

Александра. Боже мой... но здесь не только их письма!

Николай. Да, здесь черновик моего ответа.

Александра. И его ты тоже... вот так открыто хранишь?!

Николай. И его! Это также презабавнейшее сочинение... И заслуживает быть сохраненным. Я описал здесь подробно наше заточение. (*Читает несколько иронично, как кусок из романа.*)

«Комната рядом занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их тринадцать человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами... Комендант и его помощник входят к нам, когда захотят. Дежурный делает обход дома ночью два раза в час... На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой — на случай тревоги... От каждого сторожевого поста

проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты...» Бывший Верховный главнокомандующий отправляет диспозицию заговорщикам в бутылке из-под молока.

Александра. И думаешь, после этого отважные люди могли уцелеть?

Николай. На пари: они все в живых.

Александра. Тогда почему вдруг они замолчали?

Николай. Я повторяю, Аликс: уверен — мы никому не причинили вреда.

Александра. Не понимаю. Известные люди, рискуя жизнью, налаживают с вами переписку. Тайную. А вы все это, оказывается, вот так — открыто храните! И при этом уверяете, что они в безопасности?! Надеюсь, Ваше Величество, хотя бы в свой дневник вы ничего о них не записали?

Николай. Почему же, все записал. Я уже сказал: не стоит менять привычек.

Александра. О Ники! Что ты записал?

Николай (*находит, читает*). «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые. Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми».

Александра. Боже мой!

Николай. «Но дни проходили — ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были мучительны...»

Александра. Теперь понимаю, почему решетки на окнах. И куда вдруг исчезли эти несчастные люди. Я не сплю. Вслушиваюсь в ночь. Жду! А их схватили! Мы погубили преданных людей.

Николай. Я могу только повторить: читали мой дневник или не читали — но я никого не погубил.

Александра. Как понимать это, Ваше Величество?

Николай. Уверен: они все живы. И надеюсь, в будущем сумеют получше выучить французский.

Александра. Значит, ты не верил в эти письма?

Он молча рассказывает по комнате.

Да, там дурной французский, потому что писали простые люди. Но где знатные, Ники? Можно по пальцам перечесть тех, кто не предал своего Государя.

Молчание.

Хорошо, но если ты им не верил — почему ты им отвечал?

Николай. Когда-нибудь... после... я обещаю объяснить и это.

В подвале рассказывает Юровский, входит Маратов.

Юровский. Первый час... Грузовика все нет.

Маратов. Приедет.

Юровский. Я звонил в Совет Белобородову.

Маратов. И что?

Юровский. Говорит — жди. Я спрашиваю: почему запаздывает? А он: жди!

Маратов. Команда?

Юровский. Команда собралась, но есть сюрпризы. Двое латышей не пришли — не хотят стрелять в девиц. Что за народ пошел — вчера все распределили. Каждый взял себе по Романову... все вроде были довольны! А сегодня, видите ли... Ты перед началом команде речь скажи — чувствую, надо укрепить революционный дух. Что наверху?

Маратов. Все тихо.

Юровский. Девицы?

Маратов. Улеглись.

Юровский. Сама?

Маратов. Сидит у зеркала. Лицо кремом мажет — ко сну готовится.

Юровский. Ну мажь, мажь! Парень?

Маратов. Уже спит. В их комнате. Ванну ему на ночь делали.

Юровский. И о чем же они говорят?

Маратов (*усмехнулся*). Она ему выговаривает: в дневник все записываешь. Боится, что мы читаем.

Юровский. Догадались все-таки. Напоследок.

Маратов. Потом вспоминала день... когда мы объявили, что в Москву их повезем...

Юровский. Надо же! Как кстати! И я давно хочу поговорить с тобой об этом дне. Здорово тогда все было придумано, да? В Москву будто везем — а по дороге прикончить всю семейку! И никаких хлопот. И не надо было держать при них столько штыков... когда враг — у города.

Маратов. Это ты все придумал тогда?

Юровский. Это Белобородов. Вождь Красного Урала лично готовил всю операцию. Но и я дополнил. Я предложил в ту же ночь покончить в Перми с братцем Михаилом. В одну ночь завершить всю историю Романовых. Но не вышло. Кто-то напугал Белобородова. И отменили в последний момент истребление семейки. Ограничились Михаилом. И вот у меня вопрос...

Маратов. Да?

Юровский. Чекист, который в ту ночь ликвидировал Михаила, недавно все рассказал мне: как пришли они в гостиницу к Михаилу. И объявили: «Есть сведения — на вас нападут анархисты... так что вывозим вас в Москву». Но Михаил оказался похитрее брата Николая — не поверил. Ни в какую уходить не хотел. Тогда они взяли его за шиворот... Ин-

тересно, да? Великого князя — за шиворот — это и есть Революция! И увели с секретарем-англичанином. И за складами постреляли как бешеную собаку. Князь, когда расстреливали, бросился с растопыренными руками. Просил проститься перед смертью с секретарем — а они ему пулю. В царственную морду... Да, без страха Михаил смерть встретил. Интересно, да? Но самое интересное в конце. Чекист рассказал мне, кто напугал Белобородова, кто отменил расстрел семейки... Когда сказал, я ушам своим не поверил. И дочь Римму попросил узнать...

Маратов. Красавица у тебя дочь...

Юровский. И вождь комсомола в Екатеринбурге. Так что проверить ей нетрудно было: председатель ЧК товарищ Маратов. Ты уговорил Белобородова отменить расстрел.

Маратов. Что ж, правду дочь тебе рассказала.

Юровский. И почему же? Уж прости, что спрашиваю. Ты руководитель ЧК, но я руководитель расстрела. И должен все знать о людях, которые сегодня в деле участвуют.

Маратов. А сам как думаешь?

Юровский. Сплетни про тебя в последнее время: Младшенькая... Анастасия тебе сильно нравится... Видели, как в коридоре все невзначай столкнуться с ней пытаешься... под дверью поджидаешь. Не перебивай, сынок. Нет, я тебя понимаю. После всей нашей грязи, расстрелов — красивые, невинные девушки, образованные... ты ведь сам образованный... Но ты не просто молодой человек. Ты — член нашей партии, председатель ЧК Федор Николаевич Лукоянов, взявший себе кличку «Маратов» — имя беспощадного Марата. И когда я узнал, что это ты отменил расстрел... мне очень захотелось дать тебе «пинок под зад». Ты не знаешь это наше выражение — ты у нас человек новый. В прежнем, тесном помещении ЧК, когда мы ставили человека к стенке

и спускали курок — мы старались успеть дать ему легонечко под зад, чтобы не забрызгало кровью гимнастерку.

Движение Маратова — рука в кармане.

Ишь ты! Сразу — за револьвер. Молодой, горячий. Нет, нельзя нам ссориться в такой великий день. Сколько жизней революционеров отдано было, чтобы уничтожить Романовых! И вот сегодня нам с тобой выпала эта честь, а мы... Ты лучше все объясни мне по-хорошему, сынок.

Маратов (*помолчав*). Ладно... Уже тогда было ясно: город мы не удержим. И куда нам бежать? По всей стране рушилась наша власть. Значит, только туда — в Москву! И разве можно было в этих обстоятельствах без согласия Москвы царскую семью прикончить? Не имея веского повода, который оправдал бы расстрел! Вот почему я предложил повременить и найти такой повод. И у них хватило ума согласиться. Как видишь, я оказался прав: мы все бежим в Москву.

Юровский. Да, далеко мыслишь — я так не умею.

Маратов. И мы нашли повод! А кто его придумал? Кто предложил писать царю письма будто от заговорщиков? Кто каждый день читал его дневник — и понял его привычку *все* записывать? Кто предвидел, что он поверит письмам и все тотчас в дневник запишет?

Юровский. Да, ты... Ты — хитер.

Маратов. И имея доказательство заговора, мы смогли уверенно предложить Москве этот расстрел. И Ленин радостно согласился. Какие еще вопросы?

Юровский. Слишком хитер — может, поэтому мы тебе не верим до конца. И, конечно, девка. Подобное и со мной было, до того как ты к нам при-

шел... Мы тогда в тюрьму свезли дочерей местной аристократии. Отцов шлепнули, ну а дочек куда деть? Как враждебный элемент — в тюрьму... Одна была красавица. Дал слабину. И наша публика начала меня поддразнивать. Чувствую, авторитет падает. Но придумал: велел ночью уголовников к девицам в камеры пустить. Чтобы поозорничали с ними. И спесь с них сбили. А к моей сам впустил — в первую очередь.

Маратов. Что ты хочешь?

Юровский. Вчера утром, когда в ЧК распределяли Романовых, мы все боролись за право убить царя. Все мечтали пустить свою пулю в тирана. Кроме тебя. Руководитель ЧК скромно выбрал себе царского камердинера. Это плохо, товарищ Маратов. И вот сегодня судьба предоставляет тебе счастливый случай: я уже сказал — команда без двух человек приехала.

Маратов. Я понял.

Юровский. Именно. Надо кому-то взять Татьяну. И Анастасию. Кому, как не нам — руководителям? Татьяну, допустим, я... А вот ты...

Маратов. Младшенькую!

Юровский. Надо доказать товарищам революционную стойкость.

Маратов. Ты все забываешь, что я председатель ЧК. И то, что ты узнал только сейчас, я знаю с утра. Я позаботился. Вместе с грузовиком для трупов приедут трое новых исполнителей.

Юровский. Не понял. Почему — трое?

Маратов. Двое вместо латышей. А третий... *(Усмехнулся.)* Не успел рассказать тебе. Вчера Белобородов принял решение: немедленно эвакуировать архив ЧК. Город падет с часу на час — там списки наших сотрудников. Сотни жизней.

Юровский. Понятно.

Маратов. Архив буду вывозить я. Так что я с

вами, только пока не придет грузовик. Вместо меня в расстреле примет участие венгр из Интернациональной бригады — товарищ Надь. Он и возьмет Младшенькую.

Юровский. Сбежал!

Маратов *(рука на револьвере)*. Я второй раз сдержался, товарищ. Третий не сумею.

В комнате наверху. Она сидит у трюмо — заполняет дневник. Он по-прежнему расхаживает. И по-прежнему из соседней комнаты слышны голоса и смех девочек.

Александра. Ветерок в форточке. Боже мой! Счастье!

Николай. Приходит, приходит ночная прохлада.

Александра. Жаль, что они исчезли: так нравилась мысль о победе. Ночь... Спускаться из окна... Люди с лошадьми... Впрочем... будто все это со мной уже было.

Николай. Это твоя кровь.

Александра. О да! Темная кровь Марии Стюарт. Я о ней часто думаю. Она превосходно вышивала. И перед казнью вышила удивительные слова: «В моем конце мое начало».

Николай. «В моем конце мое начало...» *(Усмехнулся. Расхаживает, бормоча.)* «В моем конце мое начало...»

Александра. И все-таки: когда ты откроешь мне свои загадки? Я просто умираю от любопытства. Вообще не могу чего-нибудь не знать про тебя.

Николай. Скоро... все узнаешь... *(Расхаживая.)* Аромат садов.

Александра. Ну вот закончила описывать наше 16-е число... Кстати, Ваше Величество: чтобы мне не волноваться, впредь будем читать дневники вслух друг другу. Что вы записали сегодня?

Николай. Прости, но сегодня я ничего не писал...

Александра. А вчера?

Николай. Вчера — тоже... Последний раз писал три дня назад. Нечего записывать. Последнее, что произошло, была эта решетка.

Александра. Бэби каждый день пишет одну фразу: «Все то же». Пиши, как Бэби. И мне будет спокойнее. Как он тихо спит... Очень бледненький... непременно — завтра гулять! И все-таки прочти мне свою последнюю запись.

Николай. Чувствую, ты будешь строгим цензором. *(Читает.)* «Утром, около десяти тридцати, к открытому окну подошли... подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы без предупреждения со стороны Юровского. Этот тип нам нравится все менее!»

Александра. А я вот написала хитрее: «11 июля, четверг. Рабочий, которого пригласили, установил снаружи железную решетку перед единственным открытым окном. Несомненно, это пустой постоянный страх, что мы убежим или войдем в контакт с часовым...» Если они читают наши дневники — они успокоятся и снимут эту ужасную решетку...

Николай. Bravo!

Александра. Сегодня я отчего-то столько записала в дневник! По-моему, это самое подробное описание дня за весь год. Тебе интересно?

Николай. О тебе — мне все интересно.

Александра *(читает)*. «16 июля, вторник. Серое утро, позднее — вышло милое солнышко».

Николай. Да, да... был превосходный день. *(Расхаживает.)*

Александра *(читает)*. «Бэби слегка простужен. Все ушли на прогулку на полчаса утром. Ольга и я принимали лекарство. Татьяна читала духовное

чтение. Когда они ушли, Татьяна осталась со мной, и мы читали книги пророков Авдия и Амоса». Кстати, я выписала оттуда такие удивительные слова... Обязательно прочтем их на ночь. «Как всегда утром комиссар Юровский пришел в наши комнаты. И наконец, после недели перерыва опять принесли из монастыря яйца для Бэби. В восемь часов ужин. Внезапно поваренок Лешка Седнев был вызван повидать своего дядю, и он исчез. Удивлюсь, если это правда и мы опять увидим мальчика...» Странная история с этим поваренком. Он наверняка не вернется более, как и все, кого они от нас уводили... И мне не нравится их внезапная забота — эта корзина с яйцами для Маленького... Я пугаюсь каждый раз, когда они начинают заботиться. Это грех, но я ни в чем им не верю... Правда, сегодня... вы ушли на прогулку, и мы сидели с Татьяной. Я вдруг задремала... Мне приснился сон. И кого я увидела?

Николай. Григорий.

Александра. Да! Да! Во второй раз после его гибели. Первый раз Наш Друг приснился мне сразу, той же ночью, когда они его убили.

Николай. Полно об этом.

Александра. Тогда я решила не рассказывать тебе. Я увидела дворец, тихий снег шел за окном. И чей-то голос произнес: «Распутин...» Он... он стоял у окна на фоне снега в Малахитовой зале. Все тело у него было в ужасных кровавых ранах... Он взглянул на меня — и вдруг вся зала полыхнула огнем. И он крикнул мне: «Сжигать вас на кострах будут». Хочу бежать — и не могу двинуться. И огонь, огонь!

Николай. Я прошу женушку...

Александра. Нет, нет, в сегодняшнем сне он улыбался... и прошептал мне: «Скоро, матушка». И был так радостен. Это хороший знак... «Скоро, матушка» — ты понял?

Николай. Я не всегда доверял Григорию. Но

на этот раз он прав. Скоро... скоро вы будете свободны.

Александра. Что значит — вы? Мы!

Николай. Да... Мы.

Александра. Признаюсь, так рада, что увидела его именно сегодня. Моя нервность в эти дни, верно, была еще оттого, что я всегда боюсь 17-го числа... Григория убили в ночь на 17-е... И ты в юности чуть не погиб в крушении поезда. И это было 17-го числа. И 17-го числа ты подписал Конституцию, с которой катастрофа и началась. И я не удивилась, когда в 17-м году свершилась эта страшная революция. Бабушка Виктория мне говорила: у несчастных Людовика и Марии Антуанетты было тоже какое-то страшное число. Кстати, в это число они погибли.

Николай. Сегодня 16-е.

Александра. Нет, мой друг, уже семь минут 17-го числа, и потому мне так дорога светлая улыбка Нашего Друга... Сколько раз я замечала: все в мире полно особых знаков. Я не удивилась, когда узнала, что станция, где ты решился подписать ужасное отречение, называлась «Дно»... А знаешь, как удивительно именуется дом, где мы живем сейчас?

Николай. Как же? *(Расхаживает.)*

Александра. Баба, которая мыла вчера полы, сказала: он называется «Ипатьевский». По имени владельца дома господина Ипатьева... И я вспомнила: точно так же назывался монастырь, откуда первый Романов был избран на царство: Ипатьевский монастырь. И я так испугалась, мне показалось, что это знак: круг завершен. И этот дом страшен для нас. Но после улыбки Друга все, наоборот, кажется добрым предзнаменованием.

Николай. Да... Да.

Александра. Все-таки не могу понять... До сих пор. Как они могли, как осмелились! Земский Собор всей российской земли, когда избрал твоего

предка на царство, дал клятву. От имени всей России. Вчера я читала Маленькому ее текст: «Заповедано, чтобы царь Романов — Избранник Божий был родоначальником правителей на Руси с ответственностью только... перед Царем Небесным. А кто пойдет против сего... да проклянется такой в этом веке и во все века...» *(Яростно.)* «Проклянется во все века...» Они поклялись перед Богом!

Николай. Не надо, родная.

Александра. Ты прав... Да, вообще надо встряхнуться... всем нам надо встряхнуться. Мы в каком-то постоянном ужасе. Помнишь, в Тобольске вы играли спектакли. Девочки, доктор и Ваше Величество очень недурно играли водевиль господина Чехова. По-моему, я в первый раз смеялась после отречения. Есть смысл вернуться к этим маленьким забавам... И бедного доктора надо отвлечь от черных мыслей. Я зашла вчера в его комнату... там лежало незаконченное письмо. Я совершила недопустимое: позволила себе прочесть. Ведь доктор наивен, как и ты, он может написать лишнее. К счастью, ничего опасного не было, но это — ужасное письмо. Он пишет: «Я умер, но еще не похоронен». Впрочем, мы все так чувствуем.

Николай. Пожалуй, ты права: надо вернуться к нашим славным представлениям.

Александра. Я вспомнила, что у господина Чехова была пьеса, которая мне нравилась. Там несколько милых аристократов боятся потерять родовое имение — Вишневы сад... И все рассуждают, как его защитить. И болтают, болтают. Пока они разглагольствуют, приходит мужик — разбогатевший мужик, сын их лакея — и объявляет: «Я купил ваш Вишневы сад». Как это про нас, про всю нашу революцию!

Николай *(меряя шагами комнату)*. Жаль, что нет господина Чехова. Хорошо бы к этой пьесе при-

писать — что с ними стало нынче... Ну сын лакея, этот покупатель, конечно, убежал за границу со всеми деньгами... Все эти несчастные аристократы — кто в ЧК сидит, кто уже в сырой земле...

Александра. Там еще есть недоучившийся студент... Чем-то похожий на того молодого человека, который иногда ходит в студенческой тужурке... Кстати, в последнее время я подозрительно часто вижу его у наших дверей.

Николай. Все недоучившиеся студенты стали чекистами. И славно расстреливают доучившихся. Кстати, и у меня там тоже возможна роль: это персонаж, с которым все время случаются беды. За что бы он ни принимался — все до смешного идет прахом. Все так и называют его — «Двадцать два несчастья».

Александра. Мой милый страдалец, моя любовь... Нет, нет, эта пьеса слишком грустна. Я предлагаю нам с тобой прочесть совсем иную пьесу. Со старым как мир сюжетом. Очень... очень-очень давно... привезли в холодный Петербург маленькую принцессу... Ее сестра Элла выходила замуж. И на детском балу она увидела голубоглазого мальчика. Его глаза покорили ее тотчас и совершенно.

Николай. И мальчик тоже был покорен сероглазой принцессой. Он решил сделать ей подарок. Попросил у матери бриллиантовую брошь. И на балу...

Александра. ...сильно покраснев, протянул ей брошь. И, покраснев еще сильнее, сказал: «Это подарок».

Николай. И она взяла! Как он был счастлив!

Александра. Но ей... ей показалось: она поступила легкомысленно. И на следующий день на новом детском балу...

Николай. ...она пребольно вложила брошь в его

руку! Но он ждал. И когда она согласилась стать его женой — он вернул ей...

Александра. И с тех пор эта брошь всегда с нею. Вместе с крестом — на груди... Но все это будет потом, а тогда девочка уехала в Англию, и тоже в июле... только не выдавай какого года... Боже мой, как я стара... она написала ему первое письмо.

Николай. А потом, когда они обручились, был целый поток писем.

Александра. Всю жизнь они почти не расставались. Пока не наступила эта несчастная война.

Николай. Он уехал на войну.

Александра. Она писала ему бесконечные письма.

Николай. А он отвечал глупыми, короткими. А чаще — телеграммами, потому что даже в письмах он был смешно застенчив.

Александра. И между этими двумя потоками писем прошла жизнь. Знаешь, я дала себе слово не вспоминать. Я заперла альбомы в кладовой — воспоминания еще так свежи и мучают. Но сегодня я нарушила обет и спустилась вниз.

Николай. Ты принесла письма!

Она достает портфель с письмами.

Александра. Вот — мое богатство! Когда я узнала про отречение, я начала уничтожать свои бумаги. Прямо в кабинете я разложила славный костер, где сгорели воспоминания. Но эти письма не смогла... Я понимала, что ими воспользуются против нас... Но жечь их было выше моих сил... Ибо в этих письмах — вечная, неутолимая страсть к моему «мальчику», «к моему Солнцу». Какое счастье, что они с нами... И когда они привесли эту страшную решетку — я рассмеялась. Я сказала себе: о, глупцы, мы все равно от вас убежим. Убежим в наши письма.

В подвале: Юровский и Маратов.

Юровский. Грузовика по-прежнему нет. Уже полтора часа, как должен приехать.

Маратов. Приедет.

Юровский. Я звонил в Совет... Белобородов к телефону не подходит. Что это значит?

Маратов. Это значит, что Белобородов к телефону не подходит.

Юровский. Команда нервничает. Мы решили: ждем полчаса. И начинаем без грузовика.

Маратов. Ты стал плохо понимать, товарищ Яков. Белобородов приказал: начинать, только когда придет грузовик.

Юровский. Значит, опять ты?

Молчание.

Мне позвонила Римма...

Маратов (*насмешливо*). Опять — красавица Римма?

Юровский. На рассвете она выступала перед комсомольцами, отправлявшимися на фронт. И должен был прийти Белобородов, но вождь Красного Урала не пришел проводить на фронт молодых солдат. Ей сказали, что все утро он совещался с тобой. Что ты еще затеял?

Маратов. Надо ждать грузовик.

Юровский. Послушай, сынок, мы должны их расстрелять. Революция гибнет. От Тихого океана через всю Сибирь уже порушили нашу власть... ярость и кровь... Моя дочь Римма на днях рассказала: оказывается, французская Революция знала такие же страшные дни. Великая Революция погибала тогда в огне интервенции. И народ ответил: в городе Лионе взяли шестьдесят знатнейших юношей, в десяти метрах от них поставили пушки. И по связанным — палили, палили ядрами из пушек.

Маратов. Да, отрывая руки, ноги, куски

тел — в склеенную кровью, трепещущую человеческую массу...

Юровский. А вечером уже двести новых аристократов были построены на берегу реки. И революционеры объявили: мы будем непрестанно убивать, мы прольем потоки нечистой крови. И они казнили короля и королеву. И только так они победили. Они сумели ужаснуть мир своей непреклонностью. И мы сейчас тоже должны. Кончились каникулы Революции. Гибель этой семьи должна встряхнуть наши ряды. Чтобы мы все поняли: победа или смерть. Неужели ты, взявший имя великого Марата, этого не понимаешь?

Маратов. Еще как понимаю. Ведь это я рассказывал про город Лион. Когда выступал перед комсомольцами. От меня все это услышала Римма. Всего месяц назад.

Юровский. Неужели ты так изменился? Всего за месяц?

Маратов (*хрипло*). Надо ждать грузовик, товарищ Яков.

Молчание

Давай о другом. Мне сказали, ты не успел эвакуировать свою мать? Я могу забрать ее в поезд? Ты понимаешь, что с ней будет, когда мы сдадим город?

Юровский. А сколько других матерей наших товарищей остается в городе? Чем она лучше? Пойми: у меня нет *моей* матери и *моего* отца. Мой глупый отец всю жизнь верил сионистам. Я объяснял ему: сионисты — подлые агенты всемирной буржуазии. Мечтой о Палестине они хотят отвлечь евреев от мировой Революции. И когда мы окончательно победим — мы поставим их к стенке... Пойми, товарищ, раз и навсегда: мой отец, моя мать и мой народ — это мировой пролетариат.

Шаги наверху.

Ходит... опять непрерывно ходит.

Маратов. Да, не спят. Опять пойду наверх... послушаю, чего они там...

Юровский (*насмешливо*). И заодно... покараулишь?

Маратов. Точно, чтобы не взбрело кому в уда-
лую голову пострелять семью.

В комнате наверху Николай и Александра чита-
ют письма.

У нее на коленях целая кипа писем. У него — жалкая
кучка.

Она упоенно читает куски из писем.

Александра. «20 сентября 1914 года. Царское
Село. О, любовь моя, как тяжело было прощаться с
тобой и видеть твое одинокое бледное лицо, с боль-
шими грустными глазами, в окне вагона, — я вос-
кликнула мысленно: «Возьми меня с собой...» Вернув-
шись домой, я не выдержала и стала молиться, затем
легла и покурила, чтобы оправиться. Когда глаза мои
приняли более приличный вид, я поднялась наверх к
Алексею и полежала некоторое время на диване около
него в темноте. Прощай, мой Солнечный Свет.
Я поцеловала и благословила твою подушку. Ты все-
гда в моих мыслях и молитвах».

Николай. Как ты прекрасно придумала: каждый
раз, уезжая на фронт, я находил в поезде на столике
твое письмо... За окном была темнота, но я слышал
твой голос — и одиночество было не так тревожно.

Александра (*читает*). «Вот уже двадцать лет,
как я — твоя, и каким блаженством были все эти
годы... И вот — эта война! Мысль о чужих страдани-
ях, пролитой крови терзает душу... Весь мир несет
потери. Но должно же быть что-то хорошее из всего
этого. И не напрасно все должны проливать свою
кровь. Трудно постигнуть смысл жизни. «Так и

надо, потерпи». Вот и все, что можно сказать. Как
хотелось бы вернуться вновь к былым, спокойным
дням. Но нам придется долго ждать...» (*Перелистывая
письма, читает.*) «Мой любимый! Пишу в постели,
сейчас седьмой час — комната кажется такой боль-
шой и пустой после того, как убрали елочку».

Николай. Да, да, это закончился 1914 год.
Я помню: бледное зимнее солнце — отблески на
ослепительно белом снегу... Вереница экипажей,
авто у Большого дворца...

Александра. Читай же нашу пьесу, милый.

Николай. «Я так счастлив был, проведя эти
три дня дома, — может быть, ты это видела. Но я
глуп и никогда не говорю то, что чувствую. Как это
досадно — всегда быть так занятым и не иметь воз-
можности посидеть вместе и побеседовать. После
обеда я не могу сидеть дома — меня тянет на свежий
воздух, и так проходят все свободные часы... Старой
парочке так редко удается побыть вместе».

Александра. «Ты опять нас покидаешь. Мы
почти не видели друг друга — я лежала. Многие я не
успела тебя спросить, а когда мы поздно вечером на-
конец бываем вместе, мысли улетают... Я плачу,
как большой ребенок, я вижу перед собой твои груст-
ные глаза, полные ласки... Шлю тебе мои самые го-
рячие пожелания к завтрашнему дню... Двадцать
один год назад я стала твоею. И в первый раз за двад-
цать один год мы проводим этот день не вместе, но
как я живо все вспоминаю! Мой дорогой мальчик,
какое счастье и какую любовь ты дал мне за все эти
годы... Как я мечтаю, чтобы наши дети были бы ког-
да-нибудь вот так же счастливы...»

Николай. Неужели все это было: обручение...
Кобургский замок... помнишь, как засыпал дядя Эд-
вард... и падала его палка, и он тотчас просыпался...

Александра. Их никого нет... бабушки Вик-
тории... дяди Эдварда... Они поджидают нас у Гос-

пода. *(Читает.)* «Как время летит — прошел двадцать один год. Знаешь, я сохранила то платье принцессы, в котором я была в то утро, и твоя брошь у меня на груди». А потом я придумала отправить с тобой Маленького. И ходила плакать в твою пустую спальню. *(Читает.)* «Одиночество грядущих ночей... О, как ужасно после твоего отъезда! С тобой уходит часть моей жизни — мы с тобой одно...» Боже мой, я совершенно не даю тебе читать... Твоя очередь, милый.

Н и к о л а й *(читает)*. «Как хорошо, что я взял с собой в Ставку Маленького... Ужасно уютно спать друг возле друга. Я молюсь с ним каждый вечер. Он слишком быстро читает молитвы, и его трудно остановить. Ему страшно понравился смотр, он следовал за мною и стоял, пока войска проходили маршем. Утром он просыпается рано... Садится в постели и начинает тихонько беседовать со мною. Я отвечаю ему спросонок, тогда он ложится и лежит спокойно, пока не приходят будить меня... Спасибо за всю твою любовь... Право, не знаю, как бы я выдержал, если бы Богу не было угодно дать мне в жены и друзья — тебя. Иногда мне трудно выговорить эту правду, мне легче излагать все это на бумаге — по глупой застенчивости».

А л е к с а н д р а *(читает)*. «Я перечитываю твои письма на ночь и стараюсь представить, что это со мной беседует мой любимый... О одиночество грядущих ночей! Как хорошо, что Бог соединил нас... не знаю, как бы я жила без тебя... Я не понимаю людей, и без тебя я ощущаю себя как в пустыне — в этом суетном мире. Люди слишком торопятся жить, ничтожные впечатления владеют ими, машины и деньги теперь управляют миром и уничтожают искусство. К прискорбию, у тех, кто считает себя одаренными, очень часто испорченное направление умов. Интересно, что будет по окончании этой великой

войны? Наступит ли во всем пробуждение и возрождение — будут ли снова существовать идеалы: станут ли люди чистыми и поэтичными или же останутся теми же сухими материалистами? Так многое хочется узнать! ...Как грустно, что мы проводим день твоего рождения не вместе! Это в первый раз... Ах, крест, возложенный на твои плечи, так не легок! Как бы я хотела помочь тебе его нести, много ты выстрадал за эти двадцать лет... — ведь ты родился в день Иова Многострадального».

Н и к о л а й. Прости, я не могу ничего выбрать. Я писал так скучно... Читай лучше ты.

А л е к с а н д р а. Спасибо тебе... Мне так нравится читать их... Я снова живу. *(Листает письма.)* Нет, как быстро пролетело время! Это уже об убийстве Григория! В следующий раз, когда мы решим читать, не будем так торопиться... Бедный Григорий... Как они все его ненавидели! Ты помнишь, я ездила в Новгород. И ходила к пророчице — к старице Марии Михайловне.

Н и к о л а й. Да, да, ты написала мне удивительное письмо.

А л е к с а н д р а. Чересчур длинное... но я все-таки прочту. *(Читает.)* «Я навестила ее в монастыре. Она лежала на кровати в маленькой темной комнатке, и я захватила с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей сто семь лет, она носит вериги... И при этом она беспрестанно работает, шьет для каторжан и для солдат, притом без очков. У нее милое, тонкое лицо с прелестными молодыми, лучистыми глазами, улыбка ее чрезвычайно приятна, она благословила и поцеловала нас... Мне она сказала: «А ты, красавица, тяжелый крест примешь — не страшись». Она повторила это несколько раз. Я потом часто вспоминала ее лицо и это: «А ты, красавица, тяжелый крест примешь...»

Николай. Да, да, когда ты вернулась — была взволнованна.

Александра. Я тебе не все тогда написала. Когда я уходила, она вдруг сказала из темноты... тихо-тихо: «Дьявол он — Распутин Гришка». Я, конечно, спросила: видела ли она его, слышала ли его предсказания? А она мне — так же тихо: «И дьявол тоже предсказывает, матушка!» Я стала рассказывать, как он лечит Маленького — спасает от ужасной болезни. А она в ответ: «Я об одном молюсь... чтоб ушел от вас сей дьявол». И когда я вернулась в Петроград, уже через несколько дней... все случилось. *(Читает.)* «Мы сидим все вместе — ты можешь себе представить наши чувства, мысли: Григорий исчез. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, все еще надеюсь, что его только увезли куда-то... Мы, женщины, здесь одни с нашими слабыми головами... Я не могу, не хочу верить, что его убили! Да смилуется над нами Бог». Какой это был позор — наши родственники, аристократы, мужика убили... Знаешь, незадолго до гибели он дал мне письмо... для тебя. Но я не решилась показать.

Николай. Оно здесь?

Она колеблется.

Дай мне его, Аликс.

Александра. Нет, лучше я сама. *(Читает.)* «Русский царь! ...Знай, если убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи, родных и детей, не проживет дольше двух лет... Меня убьют. Я уже не в живых. Молись. Молись. Будь сильным. Заботься о своем избранном роде...» Какой ужас, Ники!

Николай. Думаю, ты не все мне прочла. И напрасно. Это была всего лишь мужицкая хит-

рость. В последнее время он очень боялся, что его убьют. И чтобы мы его охраняли получше... написал вот это.

Шум машины за окном.

Александра. Слышишь?

Николай. Какая-то машина приехала. Продолжай.

Александра *(читает)*. «Вспоминаю нашу последнюю ночь — как тоскливо без тебя, как тихо и пусто в твоём этаже. Святые ангелы да хранят тебя... любимый... любимый...» О, как мы, должно быть, смешны — старая влюбленная парочка!

В подвале: Юровский и Маратов.

Юровский. Приехал!

Маратов. Приехал... Команда?

Юровский. В соседней комнате! Готовятся! Я раздал наганы, у меня будут кольт и маузер.

Маратов. Товарищ Надь?

Юровский. Прибыл. В грузовике. С Ермаковым и Медведевым из ЧК. *(Торопливо ищет по карманам.)* Черт! Тебе не попадалась бумажка?

Маратов. Какая бумажка?

Юровский. Да приговор... Такая смятая бумажка... вроде был в кармане... *(Шарит по карманам.)* Неужели в Совете оставил? Ладно... Ну что — пора будить?

Маратов. А нам — прощаться.

Юровский. Жаль — уезжаешь. Теперь ты не имеешь права напутствовать команду. Придется мне.

Открывает дверь, выходит.

Маратов один — бессмысленно ходит по комнате.

Голос Юровского. Товарищи! Настал вели-

кий миг Революции! Сколько веков нам твердили: «Бог по образу Своего небесного единоначалия учредил на земле Царя. По образу Своего царства непреходящего поставил на земле Царя наследственного...» И мой отец, жалкий раб-еврей, молился царям Израиля... Все детство я с ненавистью слушал: Давид, Иосафат, Иезекия... И вот через несколько минут мы, люди разных народов, ликвидируем священных царей со всем их наследием. Нашими пулями освободившееся человечество отменяет Царей Небесных и Земных. Готовьтесь! *(Возвращается.)* С Великим праздником тебя, сынок! *(Обнимает, целует Маратова.)*

Маратов. И тебя, товарищ Яков.

Юровский. Я послал к шоферу грузовика. Сейчас включит мотор, чтобы чуток заглушить... выстрелы... крики.

Шум включенного мотора грузовика.

Вот так! *(Торжественно.)* Пора будить Романовых!

В комнате наверху. Николай и Александра продолжают читать свои письма.

Александра. «Только, дорогой, будь тверд, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту. Дай им теперь почувствовать кулак. Такова славянская натура. Они должны научиться бояться тебя. Любви одной мало. Ребенок, обожающий отца, все же должен бояться разгневать его... Твой дядя Сергей Александрович как-то сказал мне: «Россию основали цари. И самые жестокие, самые безжалостные были лучшими. Без Ивана Грозного, без Петра Великого, без Николая Первого не было бы России. Русский народ — самый покорный из всех, когда им сурово повелевают, но он не способен управлять сам собою. Как только у него ослабляют

узду, он впадает в анархию. Он нуждается в повелителе, в неограниченном повелителе. Он идет прямо только тогда, когда чувствует над своей головой железный кулак». ...Я вижу, тебе это не нравится, милый!

Николай. Может быть, это правда. Так и отец говорил. Но это не стало моей правдой. Умом я принять могу, но сердцем... Прости, не сумел стать «лучшим царем» и не отдам Маленькому то, что в сохранности передал мне отец.

Александра. Прости и ты меня... Я не хотела об этом.

Николай. Все так неясно в прошлом... Хотя думаю, думаю... Пожалуй, мне стал понятен... точнее, важен один эпизод... все с тем же бедным Сергеем Александровичем. Когда несчастного дядю Сергея убили бомбой, ко мне пришла Элла. Она просила простить убийцу. Оказалось, она ходила к нему в камеру и читала ему Евангелие.

Александра. Элла — святая. Я счастлива, что я ее сестра... Но сама мысль — разговаривать с убийцей мужа... Самое ужасное — она ведь все видела. Она была в Кремле, когда в несчастного Сергея швырнули бомбу. И она выбежала... ползала среди кусков тела разорванного мужа... И после этого читать Евангелие кровавому чудовищу?

Николай. Я тоже тогда не мог понять... А ведь смысл был так прост. Слова Господа, которые Элла написала на надгробии бедного Сергея: «Прости их, Отче, ибо не ведают, что творят». Тогда в разгар беспорядков в Петербурге... через кровь самого близкого человека она наивно предложила христианское замирение. Прощением и Любовью она задумала остановить общее насилие. Молиться кротко за врагов. Но мы ее не услышали.

Александра. Молиться кротко за врагов... Милая Элла! Что с ней? Где она? Лучше не думать. Но продолжим нашу пьесу. Боже мой, мы подошли к

самому концу. Уже наступил этот ужасный год — семнадцатый. Я тоже все время думаю о прошлом... И тоже есть событие, которое стало мне понятно только теперь. Случилось это, когда ты в последний раз уехал в Ставку... И я получила от тебя то... страшное письмо. Прочти его, Ники. Ты знаешь, о чем я говорю?

Н и к о л а й *(улыбнулся)*. Я это *(Читает.)* «Ставка, 26 февраля... Я был вчера у образа Пречистой Девы и усердно молился за тебя, моя любовь, за детей, за нашу страну. Во время службы почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота, я не понимаю, что это было...»

А л е к с а н д р а. Мой милый страдалец... Уже потом я часто думала: почему ты уехал на фронт? Бросил столицу... Когда было столько донесений, что готовятся заговоры и, может быть, революция.

Н и к о л а й *(пожал плечами)*. Уехал.

А л е к с а н д р а. И я вспомнила это письмо и... поняла! Ты решил больше не воевать с ними. Они все ненавидели меня. Все эти ужасные слухи... что выдаю какие-то военные тайны несчастным немецким родственникам... а сколько гадостей было написано о нашем Друге. Я думаю, тогда у тебя остался только один выбор: или я, или трон. И ты выбрал — меня. Мой рыцарь... Выбрал частную жизнь с семьей, чтобы не сводили с ума несчастную жену, чтобы не прятать более болезнь нашего сына. Ты уехал, чтобы дать возможность всем этим говорунам из Думы осуществить свои планы. Ты решил отдать престол. И «мучительная боль в середине груди» — результат этого решения? Ведь я права?

Н и к о л а й *(пожал плечами)*. Я уехал.

А л е к с а н д р а. Но все случилось, как в пьесе господина Чехова. Ты ожидал, что переворот, о котором столько твердили, подготовлен. На самом

деле — русская болезнь: только болтали, а чернь и мужики вышли на улицу. И забрали Вишневы сад.

Н и к о л а й. Более я не получал от тебя писем.

А л е к с а н д р а. Нет, я писала, писала. И тоже без ответа. Я знала, что они остановили твой поезд. Но что с тобой? Дворец был окружен... серое море восставших солдат. Я понимала: с минуты на минуту может начаться штурм — им уже некого было бояться... Ночью я не могла спать... Я отправила тебе еще два длинных письма. Двое казаков конвоя зашили мои крохотные конвертики под лампы.

Н и к о л а й. Моя бедная...

А л е к с а н д р а. «Мой бедный. Сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе Соловьева и Грамотина, даю каждому по письму и надеюсь, что по крайней мере хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли... Ты один, не имея за собой армии, пойманный как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это величайшая низость и подлость, неслыханная в истории, — задерживать своего Государя... Только бы ты был здесь!»

Н и к о л а й. Я никогда тебя не спрашивал: как принял Маленький отречение?

А л е к с а н д р а. Я попросила месье Жильяра рассказать ему. И тот сказал: «Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не желает больше быть императором». Бэби посмотрел на него... скорее удивленно. «Он сильно утомлен в последнее время», — продолжал бедный Жильяр. Бэби покраснел, долго молчал... нет, нет, он не спросил о себе. Он был великолепен... Но когда месье Жильяр уже уходил, Маленький вдруг сказал: «Если больше нет царя, кто же будет править Россией?»

Н и к о л а й. Вопрос не столь наивен... Тут не Европа, здесь — страна царей. И может быть, на не-

счастную Родину, решившую жить без Господа, вскоре придет новый царь. Царь — без Бога.

Александра. И все-таки хочется увидеть будущее... Но нельзя так грустно заканчивать нашу пьесу. Боже мой, я написала целых шестьсот тридцать пять писем. Но можно было написать всего лишь одно. *(Читает.)* «Всегда... всегда чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, сильно и нежно прижатые к твоим. Вечно вместе и неразлучны».

Шум включенного мотора.

Что это?

Николай. Мотор завели.

Александра. Я почему-то испугалась. Так громко.

Николай. Должно быть, большой грузовой автомобиль.

Александра. Но почему ночью?

Николай. Наверное, что-то увозят. Идет эвакуация города.

Александра. Какая беспокойная ночь... Пора спать. Уже очень поздно... по новому времени половина второго.

Николай. Ты хотела еще прочесть на ночь...

Александра. Устала. Завтра... Нет, пожалуй, одно прочту. Это из Книги пророка Амоса... «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда я пошлю на землю голод — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду услышать слова Господни. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слов Господних, и не найдут».

Николай. Ну вот! *Он* дал нам увидеть будущее...

Смех из соседней комнаты.

Александра. Никак сегодня не утомонятся.

Николай. Они добрые... На днях я рассказал Анастасии об Элле. И уже вскоре она прочитала мне

письмо к подруге: «Отец просил передать всем, чтобы не мстили за него. Он всех простил и за всех молится. И чтобы не мстили и за себя. И помнили, что то зло, которое есть сейчас в мире, вскоре умножится. Но не зло победит зло, а только Любовь».

Александра. Ты будто прощаешься с нами? Зачем?!

Николай. Нет, нет. «Вечно вместе и неразлучны...» Спасибо тебе.

Она гасит свет. В темноте только горит лампада.

Александра. Помолимся. *(Они становятся на колени и вместе читают молитву.)* «Господи Боже наш, еже согрешивших во дни сем словом, делом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец, прости нас. Мирен сон и безмятежен даруй нам, Ангела твоего хранителя пошли, покрывающа и соблюдающа нас от всякого зла...»

Раздаются электрические звонки.

Затемнение.

В темноте — звонки.

Голос Александры. Что происходит?

Стук в дверь.

Ники... Стучат!..

Голос доктора. Ваше Величество, город обстреливают. Комендант просит всех сойти в подвал.

Голос Николая. Это доктор... Надо будить Маленького.

Голос Александры. Боже мой, пять минут третьего... Ему так надо было выспаться перед завтрашней прогулкой!

Звонки, бесконечные звонки.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

АНАСТАСИЯ

Из темноты голос МАРАТОВА (читает). Из "Записки Якова Юровского о расстреле Романовых": "... Тут и обнаружилось, что на трех дочерях были надеты какие-то особые корсеты. В корсете, местами разорванном пулями, в отверстиях были видны бриллианты... На шее у каждой из девиц оказался портрет Распутина. ... Мы хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней сожгли служанку... Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма глубиной аршина два с половиной была готова"...

Та же палата в Кремлевской больнице.

ЮРОВСКИЙ. Что ты от меня хочешь?

МАРАТОВ. Опять сбил меня. Трудно держать мысль. Они говорят... говорят... Старая парочка.

ЮРОВСКИЙ. Сумасшедший.

МАРАТОВ. Убивал, а не видишь. А я вижу... В его усах, бороде уже седые волосы. И голова - уже с ровной проседью... Лицо погрубело от июльского солнца. И под глазами - мешки. Желто-табачная бородка... Глаза... только потом я понял загадку его взгляда.

ЮРОВСКИЙ. Что ты хочешь?

МАРАТОВ. Я хочу, чтоб перед смертью ты все узнал. И я тоже - все узнал от тебя перед твоей смертью.

ЮРОВСКИЙ. Мне больно.

МАРАТОВ. Я начну сначала. Первая попытка убить их. Ты помнишь?

ЮРОВСКИЙ. Когда должны были везти...

МАРАТОВ. Ага. Будто в Москву...

ЮРОВСКИЙ. И по дороге ликвидировать.

МАРАТОВ. А я отменил убийство. И придумал писать письма от "заговорщиков". (Шепчет.) На самом деле я затеял все ради одного: отменить расстрел. Хотел выиграть время.

ЮРОВСКИЙ. Я чувствовал... всегда! Предатель!

Маратов дает ему таблетку. Юровский швыряет ее на пол.

МАРАТОВ. И каждый раз, читая его дневник, я оставлял его на другом месте - чтобы он заметил... И письма я писал чудовищным французским языком. Делал все, чтобы он понял.

ЮРОВСКИЙ. Но простодушный коронованный дурачок не понял предательства. И записал в дневник то, что мы хотели.

МАРАТОВ. Да, он дал повод его расстрелять... Но я опять пытался... Уже в день казни уговорил Белобородова - и мы послали телеграмму Ленину. Просили подтвердить решение о расстреле. В те дни Революция казалась конченной. И я надеялся...

ЮРОВСКИЙ. Поэтому не приходил грузовик!

МАРАТОВ. Вожди Урала ждали ответ Москвы. И, как ты помнишь, его долго не было.

ЮРОВСКИЙ. Но пришел! Пришел!

МАРАТОВ. Да, Ленин сказал: "Нельзя оставлять живого знамени им - нашим врагам".

ЮРОВСКИЙ. Мы были непреклонны - и победили.

МАРАТОВ. И где сейчас победители? С красавицей Риммой за колючей проволокой? Или уже получили "пинок под зад"?

ЮРОВСКИЙ. Предателю не понять Революции... Уходя в тюрьму, моя дочь Римма сказала мне: "Два великих революционера Нечаев и Ткачев еще в XIX веке думали: сколько людей придется уничтожить после победы революции? И Нечаев сказал: "Надо думать о том, сколько оставить". Сталин велик потому, что он пошел дальше. Он понял: никого нельзя оставлять - весь старый мир должен погибнуть. И мы, старые революционеры, - тоже, потому что мы - его часть. Мы более не нужны партии. Мы выполнили свою задачу - мы создали Первое Государство Нового мира. И теперь с нашими привычками к дискуссиям, спорам, к свободе. И с нашей жалостью...

МАРАТОВ. С жалостью?

ЮРОВСКИЙ. С остатками буржуазной жалости - мы непригодны для новых задач. Мы должны уйти. И бывшие партийные вожди это поняли. И потому они согласились объявить себя шпионами и врагами. Ибо начинается новый этап: завоевание остального мира. Великая мечта пролетариата: Всемирная Революция! Ты помнишь, бывший товарищ Маратов, как мы о ней мечтали тогда - в 1918-м году? Мы ждали, что весь мир тотчас последует за нами. Мы ошиблись. Ты помнишь наш лозунг: "Железной рукой загоним человечество в счастье"? Но для этого нужны уже не мы, но новые люди - нерассуждающие, дисциплинированные - муравьи, послушные воле Вождя. Готовые безропотно терпеть невзгоды и лишения. И главное - быть беспощадными. Маркс прав: насилие - повивальная бабка истории. Но Маркс ошибся: революция на Западе не смогла бы стать всемирной - западные люди не смогут стать муравьями. Мы сможем. Мы - Азия. И мы победим.

МАРАТОВ. Забавно! Про Нечаева - ведь это мои слова! Это я рассказывал когда-то красавице Римме. Правда, я не сказал ей: великий революционер Нечаев был героем самого страшного романа. Он назывался "Бесы"... И вся наша горькая революция - это спор с автором, Федором Достоевским... Он нас предвидел, мучительно думал о нас. И, ожидая нас, задал нам такой вопросик: "Если для возведения здания счастливого

человечества необходимо замучить всего лишь ребеночка, согласишься ли ты на слезе его основать это здание?"

И в той комнате - мы согласились.

ЮРОВСКИЙ. Я не читал Достоевского.

МАРАТОВ. Ты строил Новый мир, как памятник - ему: "Федору Достоевскому от благодарных бесов".

ЮРОВСКИЙ. Маленький человек! Мы жили для счастья человечества, ты - для женщины. Всю свою жалкую жизнь ты любил женщину, с которой толком не сказал ни слова...

МАРАТОВ. Да, это была всего лишь мечта, в поруганном, залитом нами кровью мире... Когда я видел прелестное, радостное, чистое личико... Как она смеялась... Сколько раз, стоя за дверью, я слушал ее смех. И когда, краснея, потупя глаза, она встречала меня в коридоре... я шептал ночью пушкинские стихи в подушку... Прав: с нее все и началось. А потом уже случилось иное... Я расскажу. Это стоит узнать перед смертью. Однажды я пришел читать его дневник...

ЮРОВСКИЙ (усмехнулся.) Проверять дневник.

МАРАТОВ. Сверху лежало стихотворение... С надписью его рукой: "Для Анастасии". И я прочел. И всю жизнь оно - со мной... Я прочту и тебе. Его следует знать перед смертью:

Молчание.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый -
С твоею кротостью встречать.
И в час народного гоненья,
Когда захватят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,

Христос Спаситель, помоги.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

И я вспомнил детство... икону над кроватью... отца. И вдруг подумал: отца *тоже* звали Николай... Убить отца... На следующий день я опять пришел читать дневник... и опять нашел поверх него... написанные его рукой слова Евангелия: «И тогда соблазняются многие и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга». И на следующий день меня опять ждали новые, так нужные мне тогда слова Евангелия: «И лжепророки восстанут и прельстят многих. И по причине умножения беззакония во многих ослабеет любовь». Ослабеет любовь... И я понял: он оставлял их для меня. Так он беседовал со мною.

Ю р о в с к и й. Ты что? Ты что?!

М а р а т о в. Да! Он все знал.

Ю р о в с к и й. Нет! Он не мог! Тогда почему же он... записал?

М а р а т о в. Он понял: его смерть — благо... Человек XIX века, он был уверен: убив его, мы, конечно же, отпустим его семью на волю... И еще. Страна ненавидела Романовых. Обычная история: народ, кричавший вчера: «Осанна!», так же дружно кричит: «Распни!» И оттого не было ни одного заговора освободить его, кроме нашего, созданного в ЧК. В тот страшный год он осознал: живым он никому не нужен. Но мертвый? Жертва! Во искупление за все, что совершилось в его правление! И в этом была истинная загадка его взгляда — взгляда тельца на заклание. Мудрый Ленин боялся: царь сможет стать живым знаменем. Глупый царь понял: знаменем он сможет стать только мертвый. И он *предложил* нам свою смерть. Смертью смерть поправ. Тогда за дверь я

услышал: «В моем конце мое начало». (Шепчет.)
Убитым он задумал вернуться в Россию...

Молчание.

И знаешь, о чем просил он перед этим убийством?
Ю р о в с к и й. Я не хочу знать о тиране.
М а р а т о в. Ну почему же? Это важно — чего просят перед смертью... даже тираны.

Молчание.

За два дня до расстрела я нашел на его столе письмо. Он оставил мне ее письмо... Младшенькой. Она писала подруге... Девичье письмо... Помню, были вложены засушенные цветы... нет, не горькие цветы нашей екатеринбургской земли... но те, что привезли они с собой из Царского Села, где были так счастливы. И первая строчка в письме была: «Отец просил передать, чтобы не мстили за него...» Не мстили! Но он знал — мстить будут. Знал: со злом будут бороться злом. И оттого далее там было предсказание: о зле, которое непременно умножится в мире... и еще о Любви, которая одна сможет победить зло. Как просты и возвышенны были все эти слова накануне страдания. И их писала... маленькая, в общем, не видевшая жизни девочка... И потом, когда пришел грузовик... и ты держал свою речь — безумную речь перед безумными... я должен был выйти к вам... и сказать вам, сумасшедшим... то, что поняла эта маленькая девочка... Но я не вышел... Я не сказал.

Ю р о в с к и й. Ты сбежал.

М а р а т о в. Ты первый раз прав. Я предпочел умыть руки. С тех пор я ощущаю себя мертвым и за чем-то живым. Галлюцинации мучают. И я все жду... увидеть ее... чтобы она повторила те прекрас-

ные слова. Но она не приходит... Приходят только они... Старая парочка... И я все мучаюсь — думаю: почему она не приходит? И только ты мне можешь помочь. Я рассказал тебе все... Твоя очередь...

Юровский. Я понимаю — ты сумасшедший. И все-таки? Говори яснее. Что ты хочешь услышать?

Маратов. Я начал понимать это уже в начале двадцатых... когда... во всем мире заговорили... об этой странной женщине. Ты помнишь?

Юровский. О какой женщине?

Маратов. Не лукавь. Ты понимаешь... Именно тогда появилась в Берлине эта... женщина, которая объявила себя...

Молчание.

...Анастасией. И потом я увидел ее лицо на газетных фотографиях... Это было лицо Младшенькой! Абсолютно ее лицо. Только радостная прелесть ушла... Будто мертвое.

Юровский. Глупость! Мы всех их убили!

Маратов. И тогда я разыскал в Коминтерне товарища Надя... Помнишь — венгра, которого я прислал...

Юровский. Когда сбежал.

Маратов. Он сказал, как и ты...

Юровский. Мы всех убили.

Маратов. Да. Но добавил: *он не стрелял*. Не стрелял он в нее.

Юровский. Это ты уговорил его?

Маратов. Если бы... Нет, я просто сбежал — как ты точно выразился. Он *сам* не смог — оказалось, трудно стрелять в безоружную маленькую девочку. Он предпочел царя.

Юровский. Ее другие убили... Хаос был — и непрерывная стрельба. И всех... Всех — убили!

Маратов. Но ее лицо не давало покоя. В мину-

ты тоски и ужаса... какая же это тоска и ужас... я думал: а вдруг?

Юровский. Всех, всех...

Маратов. Я знал, что ты составил секретный отчет о расстреле.

Юровский (*небрежно*). Да, написал Записку в правительство.

Маратов. Сначала я думал с тобой встретиться. Ты тогда работал в Хранилище ценностей.

Юровский (*усмехнулся*). Сторожил драгоценности, отнятые у эксплуататоров. Кстати, тогда в двадцатых мы помогали немецким товарищам организовать Революцию в Германии. И я отправил им некоторые ценности... И среди прочего — бриллиантовую брошь... Эту брошь я лично снял с царицы после расстрела... Видать, какая-то была особая... на груди у ней висела. С крестом. И я придумал: передать брошь царицы-немки на организацию немецкой пролетарской Революции.

Маратов. Да, я был прав, когда не стал с тобой встречаться, но я сумел... достал твою Записку — твой «совершенно секретный отчет».

Юровский усмехнулся.

Меня поразила дата: ты написал эту Записку тотчас после того, как в Берлине появилась *она*.

Юровский. Мне надоело повторять: мы всех убили.

Маратов. Да, именно. В этом и был смысл твоей Записки: *всех* убили! Да и как уцелеть: одиннадцать жертв, двенадцать расстрельщиков и узкая комнатушка...

Юровский. Никто не мог...

Маратов. Но... оказалось, не ты один писал. Еще четверо расстрельщиков в подробностях описали казнь. И я достал их... И один из писавших, пуле-

метчик Стрекотин... ты его помнишь — рябой, бритый... пишет: «Когда мы начали выносить трупы, одна из великих княжон... закрыла лицо руками и заплакала». И добавляет: «И другие Романовы были живы!»

Юровский. Послушай! Что ты хочешь от меня?

Маратов. Только вспомнить.

Юровский. Даже если ты сумасшедший — постарайся понять: она... все они — мертвы, чудес не бывает.

Маратов. Конечно... Конечно... А я ничего не прошу... Только ответь мне по порядку на вопросы... и все! И все.

Юровский. Как ты жалок, бывший товарищ Маратов... Ну хорошо. Только найди таблетку — мне очень больно!

Маратов надевает очки, нелепо ползает по полу — находит, отдает Юровскому. Торопливо наливает воду в стакан. Юровский глотает таблетку, жадно пьет.

Маратов. Итак, по порядку. Я услышал электрические звонки и вышел на улицу. Там стоял приехавший грузовик со включенным мотором. А звонки все звенели... Звонки! Электрические звонки! Я сел в автомобиль и отправился на вокзал. Ты?

Юровский. Я пошел будить доктора. Он не спал — писал письмо... Так оно недописанным и осталось.

Маратов. Пожалуйста, дальше.

Юровский *(начинает нехотя, но с каждым словом все более воодушевляется. Видно, он рассказывал это много раз, но рассказ и сейчас вдохновляет его)*. Я сказал Боткину: ночь будет опасная, город обстреливает артиллерия — надо спуститься в подвал... Он

пошел их будить. Я по-прежнему не выключал электрические звонки.

Маратов. Для атмосферы — для ужаса, да? Я и сейчас их слышу — звонки! Звонки!

Юровский. Доктор, видимо, легко их поднял. Прошло не более получаса — они появились одетые. Я думаю, радостно одевались: белые освободители совсем рядом. Мы с заместителем моим Никулиным их повели...

Маратов. В ту комнату.

Юровский. В ту комнату. Длинная была процессия: семья, слуги, доктор. Николай нес отпрыска. Помню, оба были в гимнастерках и в военных фуражках. Ты помнишь — комната совершенно пустая была... Только стул мы поставили для царицы — у нее ноги больные. Царица села и для мальчика стул потребовала. Что ж, говорю, принесите — видно, умереть он хочет на стуле... Красивый был мальчик... Остальных я выстроил.

Маратов. Как... выстроил?

Юровский *(усмехнулся)*. В ряд. Спокойным голосом говорю: «Пожалуйста, вы станьте сюда, а вы сюда... вот так». Помню, служанка — высокого роста женщина... с ней рядом встала Анастасия. *(Усмехнулся.)* У служанки была в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены дочерьми, одну положили на сиденье стула Алексею... другую — на стул самой... Николай сначала встал за сыном, но я перевел его в первый ряд рядом с мальчиком. Потом их подравнял — все так же спокойным голосом.

Маратов. А почему... Зачем они согласились строиться?

Юровский *(задыхается от беззвучного смеха)*. Моя выдумка! Помнишь последнюю обедницу... Я тогда все и придумал... И когда они вошли в подвал, сказал Николаю: «После бегства вашего брата из Перми»... как у него глазки-то загорелись... не знал,

что их императорское высочество, братец его, засыпанный ветками, с месяц как в яме пребывает... «слухи, говорю, в Москве нехорошие, что сбежала вся ваша семья. Посему я хочу всех сфотографировать. И отослать снимки в Москву, чтоб успокоить». А накануне, как бы невзначай, я сказал, что фотографом работал до революции. Так что они поверили.

Маратов. Ты действительно был очень хороший фотограф. Наверное, и фотоаппарат вынес для убедительности?

Юровский. Вместо фотоаппарата... как только они построились — вошла команда.

Маратов. И что же — фотоаппарат не выносил?

Юровский. Да откуда ему взяться?

Маратов. Ну зачем — неправду... Ведь мы договорились! Ну не надо! Помнишь, тетрадь, в которую караул записывал все происшествия во время дежурств? Тебе каждый вечер ее приносили. Ты надевал очки и с важностью читал. Она сохранилась, и я ее прочел. Там есть запись: «20 июня. Просьба Николая Романова, бывшего царя, дать ему работы — вычистить мусор из сада, пилить или колоть дрова...»

Юровский. Удовлетворили. И при чем тут фотоаппарат?

Маратов (*будто не слыша*). Действительно, забавная запись. Он погибал взаперти: он обожал прогулки... и еще — у него был вульгарный геморрой. Хорошо, что эту запись ты помнишь, потому что прямо под ней я прочел другую: «11 июля... (всего за пять дней — до) Татьяна и Мария просили фотографический аппарат, в чем, конечно же, им было отказано комендантом».

Юровский. Да... забыл.

Маратов. Уж ты не забывай — очень прошу. В доме был фотоаппарат «Кодак». Тот самый, конфискованный у царицы, когда впервые она вошла в

Ипатьевский дом. При мне его конфисковали. А потом я видел его у тебя в комендантской — в столе лежал у бывшего фотографа Якова Юровского.

Юровский. Ну и что?

Маратов. И вот я думаю: мог ли бывший фотограф в «величайший миг Революции» — так ты называл этот день — им не воспользоваться?

Юровский. Грешным делом, была мысль... «щелкнуть» их перед... Но ситуация была нервная.

Маратов. Нет, понимаю, почему ты не снял их — перед... Но *после*?

Юровский. Я не снял и после.

Маратов. Но почему? Ведь было важно снять расстрелянную семью... На случай самозванства хотя бы. Вот сейчас, когда появилась эта Анастасия...

Юровский (*кричит*). Послушай, идиот, погибли все!

Маратов. А ты бы фотографию и предъявил вместо глупого крика.

Юровский. Там света было мало, когда постреляли. И обстановка была близкой к сумасшествию...

Маратов. Ну хорошо... ну ладно.

Юровский. Когда они приготовились фотографироваться, я позвал команду. Команда толпилась в широких двустворчатых дверях. Мы с Никулиным стояли по обе стороны двери. Стало вдруг тихо... только во дворе шумела машина... работал мотор.

Маратов. Да... да...

Юровский. Я потерял Постановление о расстреле... вынул просто пустую бумажку и прочел: «Ввиду того, что ваши родственники продолжают наступление на Советскую Россию, мы постановили вас расстрелять». И вновь была тишина — но какая! Николай переспросил: «Что? Что?»

Маратов. Пожалуйста, дальше.

Юровский. Читаю вторично... Я хотел по-

смотреть, как он встретит смерть. И как эта гордая самодовольная немка...

Маратов. Как же он встретил смерть?

Юровский. Он больше ничего не произнес, молча повернулся к семье, другие произнесли несколько бессвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд.

Маратов. Второй раз — неправда... А ведь — таблеточку съел. Ермаков рассказал...

Юровский. И с ним ты поговорил!

Маратов. Со всеми поговорил. Ты — последний. Царь тихо сказал: «Не ведают, что творят... прости их, Господи». Не придумать Ермакову эту фразу — убийца он и безбожник. Дальше, пожалуйста, дальше, товарищ Яков.

Юровский. Ну и сразу — я рывком свой кольт. Царица и Ольга попытались осенить себя крестным знамением, но не успели. Началась стрельба.

Маратов. И как же вы не перестреляли друг друга в крошечной комнатке?

Юровский. И это я придумал: команда толпилась в раскрытой двери, три ряда стреляющих из револьверов. Причем второй и третий ряды стреляли через плечи впереди стоящих. Руки, руки с палящими револьверами — вот и все, что видели Романовы...

Маратов. И метались в этой клетке...

Юровский. А команда все пала из двустворчатой двери, обжигая огнем выстрелов стоящих впереди... Царя пристрелили сразу.

Маратов. Еще бы! Стреляли в него все!

Юровский. Но надеюсь, я был первый. Он с силой грохнулся навзничь — и фуражка в угол покатила... Александру, лакея, повара, доктора тоже сразу — первым залпом. Но с дочерьми пришлось повозиться. Да ты ведь знаешь!

Маратов (*кричит*). Прощу! Дальше!

Юровский. Пули отскакивали от них. И как

град прыгали по комнате. Мы тогда не знали почему... Отскакивают — и все! Помню, две младшие, прижавшись к стенке, сидят на корточках, закрыв головы руками. И пули отлетают от них... И — по комнате. А тут еще горничная мечется с визгом. И закрывается подушкой, и пулю за пулей мы всаживали в эту подушку... И Алексей получил одиннадцать пуль и все жил... И Никулин палил в него, палил... Он израсходовал целую обойму патронов.

Маратов. А почему... почему так?

Юровский. Ты же знаешь! На девушках были корсеты с бриллиантами... Она вшила туда драгоценности, видимо, на случай побега. Это было как броня. Бронированные девицы.

Маратов. Я не про девушек — про мальчика.

Юровский. Тоже странная живучесть.

Маратов. И как ее объяснишь?

Юровский. Слабое владение оружием моим помощником Никулиным. И наверное, нервно... эта возня с дочерьми.

Маратов. Да, не сбился. Это твоё объяснение я прочел в Музее Революции... куда ты передал своё историческое оружие.

Юровский. И это читал?

Маратов. Но мне так объяснять нельзя. Ведь Никулин у меня работал — в ЧК. И отлично владел оружием. Впрочем, застрелить с трех метров сидящего на стуле мальчика — для этого не надо умения... И нервно тут вряд ли помешает. Так почему же?

Юровский. Не знаю! Помню, я шагнул в дым и двумя выстрелами покончил с живучестью Алексея... Наконец все одиннадцать на полу лежали — еле видные в пороховом дыму. Я велел прекратить стрельбу... Дым заслонял электрический свет. Раскрыли двери комнаты, чтобы дым рассеялся... Начали забирать трупы. Переворачивали, проверяли

пульсы. Надо было побыстрее выносить. Пока над городом ночь. Несли в грузовик на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли... Их взяли, помню, от стоящих во дворе саней. *(Замолчал.)*

Маратов. И все?

Юровский. На дне автомобиля постелили брезент из кладовой — он укрывал их чемоданы. *(Усмехнулся.)* Теперь он укрывал их тела. И дно грузовика от царской крови.

Маратов. И все?

Молчание.

Я за тебя расскажу. Начали выносить. В широкой супружеской простыне первым выносили царя. Отца семейства выносили. Потом понесли дочерей. Когда положили на носилки одну из них — она вдруг села. Закрыла лицо руками, зарыдала. Она была живой. Очнулся на стуле и Алексей... с которым ты покончил! Оказался только ранен... И когда зашевелились остальные сестры, ужас охватил команду. Вам показалось: само небо против вас.

Юровский. Ты прав — было страшно. Мы еще тогда не знали, что они бронированные. Но Ермаков не сплеховал: взял штык. Правда, когда он начал колоть первую из девиц, штык долго не мог пробить корсаж. И тут даже он испугался. Но победил страх.

Маратов. Доколот! Ожидание счастья... Царское Село... девичьи мечты — все кончалось в нестерпимой боли под пьяное пыхтенье бывшего каторжника Петьки Ермакова.

Юровский. Всех, всех доколот. Потом наверх пошел в их комнату и кровь их наволочкой с рук вытер.

Маратов. И так, живы оказались? И Ермакову пришлось докалывать... А ведь ты сказал: проверяли пульсы?

Юровский. Да, тогда маленько ошиблись.

Маратов. Конечно! И какая могла быть проверка в этом ужасе — в дыму, среди лужиц крови, после отскакивающих пуль... Вы только одного хотели: закончить и похоронить.

Юровский. К чему клонишь?

Маратов. Так что и Ермаков мог добить не всех в этом безумии. А если к тому же кто-то был без сознания? И вы его уложили в грузовик вместе с мертвецами?

Юровский молчит.

Я давно мучаюсь и думаю: в грузовике могли быть недострелянные.

Юровский. Ты сумасшедший.

Маратов. Справедливо. Жаль только, что единственно нормальный — это сумасшедший я. Прошу тебя — дальше.

Юровский. Потом мы привезли трупы к безымянной шахте... Когда-то там искали золото... Это была наполненная водой яма посреди непроходимого леса. Здесь решили хоронить.

Маратов. Много пропускаешь... но я согласен. Привезли. Солнышко вышло — Романовы у шахты лежат. Ты уже совсем успокоился, наверное, даже позавтракал на пенечке яйцами, которые накануне для мальчика из монастыря привезли. Любили их в монастыре, еду носили. Помню, как ты обрадовался этой еде и тотчас позаботился с собой ее взять. И вот я думаю: мог ли фотограф Юровский не позаботиться — и не взять с собой царицыну камеру?

Молчание.

Конечно, не мог. И потому, не скрою, долго искал эту фотографию. Она мне по ночам снилась!

Юровский. Но не нашел. Ее нет.

Маратов. Совершенная правда. И мне оставалось только понять: почему ее нет. И вот тут помогла твоя Записка.

Молчание.

Ты пишешь: «Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней сожгли служанку... Тем временем вырыли братскую могилу для остальных девяти... И здесь начинается главная непонятность. Ведь от тебя требовалось совсем другое: тело Николая должно было исчезнуть! Останки царя могли стать священной реликвией для наших врагов. Так почему же ты не сжигаешь его? А вместо этого — Алексея и служанку? Ведь у тебя нет времени для экспериментов — и нет в достатке ни дров, ни бензина... Почему?»

Юровский. Не помню... Уже не помню. И мне больно.

Маратов. Тоже ответ... И интересно: двое других свидетелей, твоих друзей, описавших захоронение, пишут: один — «сожгли Анастасию и Алексея», другой — «доктора Боткина»...

Юровский. Забыли они.

Маратов. Странно, правда? Казалось, после этой ужасной процедуры до смертного часа *все* запомнишь. И страшный запах горящего мяса... Если только...

Юровский. Ты что?..

Маратов (засмеялся). Оно на самом деле было — это сожжение!

Молчание.

Ты пишешь: «Все дочери имели на шее ладанки с изображением Распутина и его молитвой...» А Алексей — мог ли он не иметь?

Юровский. Я просто забыл.

Маратов. Опять — забыл. Хорошо. Но вот то, чего ты забыть ну никак не мог. Ты пишешь: «На трех дочерях были надеты особые корсеты с бриллиантами». А *четвертая дочь* — что ж, не имела? Ведь царица каждой дала — на случай побега. И наконец, Алексей. Ты сам описал его странную живучесть... Неумение чекиста Никулина владеть оружием мы с тобой уже исключили. Значит? Да, конечно, — мальчик тоже был защищен бриллиантами! Где они? Тут забыть ты не мог. Ошибки могут быть по любому поводу — но не насчет драгоценностей, столь нужных мировой Революции! Итак, где бриллианты Алексея и одной из княжон?

Юровский. Жалкий предатель! Ты думаешь я мог...

Маратов. Никогда! Ты воистину предан Революции. Нашей горькой Революции. Ты скорее бы умер, чем взял. Нет, нет... твоя корысть тут исключается... Но тогда почему? Не можешь ответить. Нету ответа. Точнее, есть — только один. Ты попросту их *не видел*.

Юровский. Кого?

Маратов. Двух тел. Они исчезли. Вместе с бриллиантами.

Юровский. Мне больно.

Маратов. Они исчезли из грузовика по дороге. Мальчик и девочка, да? Оттого ты не смог сфотографировать мертвых Романовых у шахты, да? Хотя взял с собой камеру. И оттого драгоценностей с двух тел не хватает. И оттого ты придумал написать: два тела сожгли.

Молчание.

Но самое интересное: *как* они исчезли по дороге... Я долго искал шофера грузовика.

Юровский. Он умер.

Маратов. Он жив. Жив угреватый маленький

Сергей Люханов. Только всю жизнь отчего-то меняет города. Старый член партии, он живет в нищете, почему-то без пенсии... Будто страшно боится чего-то. Нет, он мне ничего не рассказал — просто тотчас исчез из города. И вот тебе моя версия: ты услышал стоны из-под брезента. Так? Стоны двух неострелянных — мальчика и девочки... После луж крови... после долгого убийства девушек... ты был не в себе. Устал от зверства и ужаса. И пережиток старого мира — жалость — тебя подвела. У тебя не хватило революционной стойкости, да? Ты не смог их добить... во второй раз. Так? Я думаю, попросту сбросил их с грузовика... Потом уже у шахты, когда раздел трупы и увидел бриллианты, ты, конечно, вернулся... Но неострелянные исчезли. Прибрал кто-то. Может, даже люди из монастыря... Они, конечно же, следили за домом. И всю жизнь ты не можешь простить себе этой жалости — этого преступления человека нового мира. Ты не сумел стать до конца муравьем. Ну отвечай же, товарищ?

Молчание.

Неужели я понял? И это не просто история об убийстве? Но о прощении... и даже о твоей жалости? Я прав? Она жива! И потому она не является в моем бреду? Отвечай! Ну хочешь — на колени встану! Ну отвечай же!

Маратов вдруг замолкает, прислушивается. Потом бросается в темноту палаты и прячется за шторой огромного окна. Входит молодой человек с чемоданчиком.

Молодой человек. Доброе утро. *(Вынимает шприц из чемоданчика.)*

Юровский. Нет, нет, не надо! Нельзя сейчас!

Но молодой человек молча схватил его руку.

Юровский. Нет! Нет! Немедленно — к начальству! Здесь предатель! Пинок ему под зад!

Но молодой человек все так же молча всаживает шприц. Юровский тотчас затихает.

Входит сестра.

Сестра. Готово! *(Кокетливо прижалась к молодому человеку.)*

Молодой человек. Уймись. У меня еще два укола.

Уходят.

Тишина. Юровский недвижно лежит в постели. Из-за оконной шторы появляется Маратов. Постоял у кровати.

Маратов *(Юровскому)*. Прощай, товарищ. *(Целует его.)*

Гасит свет — остается только ночник.
Тихо смеется, глядя в темноту.

Все по-прежнему, Ваши Величества. Она осталась мечтой... И я не знаю: живет ли она теперь в Берлине. Или — как раньше: в воздухе, в траве и листьях... *(Останавливается.)* Да... да, слышу звонки *(лихорадочно)* и помню: «И тогда соблазнятся многие и друг друга будут предавать и возненавидят друг друга. И многие лжепророки восстанут и прельстят многих... И по причине умножения беззакония во многих охладет любовь. Претерпевший же до конца спасется». Я все думаю, что это значит: «Претерпевший же до конца спасется»?

Звонки, бесконечные электрические звонки.
Затемнение.

Биографическая справка

Яков Михайлович Юровский умер в Кремлевской больнице в 20-ю годовщину расстрела царской семьи.

Федор Николаевич Лукоянов умер накануне 30-й годовщины расстрела царской семьи.

Все руководители Урала, подписавшие решение о расстреле, были расстреляны в сталинских лагерях.

Все исполнители умерли в своих постелях, как и просил о том Господа последний царь. При вскрытии могилы царской семьи тело Анастасии было найдено. Но останки Марии и Алексея отсутствовали. И никаких следов сожжения трупов, несмотря на долгие поиски, так найти и не удалось...

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Иоанн Мучитель

5

Тайна Иоаннова сына

87

Лунин, или Смерть Жака

189

«На Руси от ума одно горе»

257

Последняя ночь последнего царя

299